

А. Симон

О тех, кто предал Францию

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

А11 **А. Симон**
О тех, кто предал Францию / А. Симон – М.: Книга по Требованию, 2021. –
400 с.

ISBN 978-5-458-05870-4

ISBN 978-5-458-05870-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

слабости Франции», — так говорил товарищ Молотов, оценивая причины поражения Франции, и статьи Симона, Пертинакса, Моруа, Ромэна, Уотерфилда дают много ярких иллюстраций к этим словам.

Правящие круги Франции боялись своего народа.

Поэтому они организовали «бегство» капиталов за границу и расстраивали экономическую жизнь страны, лишь бы спровоцировать поражение Народного фронта.

Поэтому они не развивали и не совершенствовали военную промышленность. Поэтому они поддержали захват Италией Абиссинии в 1935 году, хотя в результате абиссинского похода Италия укрепила свои позиции на Средиземном море и в Африке в ущерб Франции. Поэтому они проводили политику «невмешательства» по отношению к республиканской Испании, заведомо идя на то, чтобы создать угрозу южной границе Франции. Поэтому они дали согласие на присоединение Австрии к Германии, а несколько позднее пошли на соглашение в Мюнхене, рассчитывая ценой предательства Чехословакии повернуть Германию на восток, против СССР, и развязать себе руки для борьбы с французским народом. Антисоветская внешняя политика французской буржуазии шла вразрез со стремлениями французского народа, вразрез с государственными интересами Франции; она привела к гибельным результатам.

«...Французские руководящие круги... слишком легкомысленно отнеслись к вопросу о роли и удельном весе Советского Союза в делах Европы». Это обстоятельство, отмечал товарищ Молотов, сыграло не малую роль в поражении Франции в войне.

Правящие круги Франции сознательно вели страну к капитуляции перед гитлеровцами. Именно этим объясняется преступное отношение к защите французских границ: известно, что линия Мажино не была продлена на север.

Сердцевиной «оборонительной» военной доктрины, которую исповедывал французский генеральный штаб и высший командный состав французской армии, была капитулянтская политика. Это наглядно показано в статье Пертинакса и в книге Симона.

Вступление в войну со слабой авиацией и артиллерией, с малочисленным и недостаточным по своей мощности танковым парком явилось результатом той же капитулянтской политики французской буржуазии.

Поэтому же первые месяцы войны, «войны без событий», ни в малейшей степени не были использованы французским правительством и командованием армии для того, чтобы восполнить зияющие провалы в военной подготовке страны. Правительству было не до этого. Оно занималось главным образом наступлением на рабочий класс Франции, карательными походами против коммунистов, а также

организацией помощи белофиннам и подготовкой нападения на Советский Союз как на севере, так и на Ближнем Востоке.

Кто же оставил страну разоруженной в столкновении с противником, кто проиграл войну с Германией задолго до того, как она началась? Кто толкнул Францию к величайшей в ее истории национальной катастрофе?

В книгах и статьях Моруа, Романа, Пертинакса, Симона мы находим большую галерею красочных портретов правителей Третьей республики накануне ее краха.

Перед читателем проходят представители радикал-социалистской партии — Даладьё, Боннэ, Шотан, Эррио, вождь социалистов — Леон Блюм, правые — Фланден, Рейно, Лаваль, генералы Вейган, Гамелен, Петэн и многие другие. Надо отдать справедливость писателям и журналистам, — вне зависимости от их желания им удалось дать выразительную и отталкивающую картину политической жизни буржуазной Франции накануне военного разгрома. Вот они — вершители политических судеб французского народа — ограниченные и мелкие политиканы, честолюбцы и фразеры, красноречивые парламентарии, ловко умеющие драпировать капитулянтскую политику пышными фразами о мире, свободе и праве. Многие из них прошли обычный для французского буржуазного политика «стаж» в рядах реформистов всех мастей и обучались там сложной «науке» политического обмана масс, оппортунизма, искусству демагогии.

Достойные выученики Мильерана, Бриана, Виниани, ренегаты, безмерно ненавидящие революционный рабочий класс, политические кондотьеры, готовые продаться кому угодно, взяточники, участники разнообразных афер и панам, — таковы были люди, стоявшие во главе государственной машины. К ним в полной мере может быть отнесена характеристика, в которой Маркс заклеил правительство Тьера, Фавра, Трошю, пришедшее к власти в сентябре 1870 г.

В самом деле, подобно своим предшественникам, правительства III республики: тридцатых годов, также вынужденные выбирать между рациональным долгом и классовыми интересами, не колебались ни минуты и превратились в правительства национальной измены.

Подобно Тьеру, правители III республики тридцатых годов были верны только своей «ненасытной жажде богатства и ненависти к людям, создающим это богатство». Подобно Тьеру, они являлись мастерами мелких государственных плутней, виртуозами в вероломстве и предательстве. Подобно Тьеру, наконец, они были напичканы классовыми предрассудками вместо идей, наделены тщеславием вместо сердца, так же грязны в частной жизни, как гнусны в жизни общественной.

Эти) люди, как и непосредственные их руководители, хозяева

Французского банка, всей своей деятельностью полностью подтвердили ленинские слова:

«Когда... дело доходит до частной собственности капиталистов и помещиков, они забывают все свои фразы о любви к отечеству и независимости... Когда дело касается до классовых прибылей, буржуазия продает родину и вступает в торгашеские сделки против своего народа с какими угодно чужеземцами».

Так французские правители продали родину.

Уже до войны подлинными хозяевами Франции были не французы, а немецкие фашисты, гитлеровцы. Они имели во Франции своих министров во французском правительстве, своих генералов во французской армии, свои, «французские», газеты (в том числе самые крупные), своих издателей, редакторов и журналистов. Мудрено ли, что при неслыханной продажности верхов гитлеровская агентура хозяйничала во Франции как у себя дома. Секретнейшие решения правительства, политические и военные планы не только становились известными Германии, но зачастую и составлялись именно в ее интересах, а не в интересах Франции. Капитулянты систематически разоряли страну. Этим в значительной мере объясняется быстрота наступления германской армии в мае—июне 1940 г. Гитлеровские войска, как признали сами фашисты, и войне с Францией не имели перед собой серьезного противника. Сопротивление французской армии было заблаговременно подорвано и парализовано с помощью правителей Третьей республики. Так политика капитулянтов достигла своего логического завершения — военного разгрома Франции.

Правители Виши, маршал с его адмиралами и генералами, по праву заслужившие единственный «чин» — предателей и изменников своей родины, — пытались свалить вину за поражение Франции только на бывших — до-компьенских — министров и военных. Однако никак нельзя скрыть того факта, что Петэн, Дарлан, Лаваль и их сподвижники из Виши оставили далеко позади прежних вершителей судеб Франции. Те предавали страну тишком, по частям; эти — открыто отдают ее на разорение фашистским варварам. Те торговались с Гитлером, эти — подобоострастно лижут сапоги германского ефрейтора. Правители Виши используют французский народ как пушечное мясо для военной мясорубки германского фашизма: по приказу Гитлера, Петэн, Дарлан и Вейган послали французские войска сражаться с врагами фашистской Германии и с друзьями свободной Франции — с англичанами и французскими войсками генерала де Голля.

Наконец, в угоду своему хозяину Гитлеру правительство Виши разорвало дипломатические отношения с Советским Союзом.

Петэн, Дарлан и вся отвратительная клика Виши горит желанием участвовать в подлом захватническом походе немецко-фашистских

варваров против русского народа, который не раз спасал Францию от угрозы немецкого нашествия.

Но планы Гитлера и его французских наемников осуждены на провал.

Нет никакого сомнения в том, что свободолюбивый французский народ, воодушевленный героической борьбой Советского Союза с гитлеровцами, свергнет позорное иго фашистских захватчиков, рассчитается сполна со всеми виновниками национальной катастрофы и возродит страну на новой основе.

Внутренние силы, таящиеся во французском народе, неистребимы, а славные исторические традиции борьбы за свободу и независимость умножены на тяжелый, но поучительный опыт, полученный французами за последние годы и в особенности во время войны и фашистской оккупации,

В борьбе с наглыми гитлеровскими завоевателями и их лакеями из Виши французскому народу обеспечена горячая помощь и поддержка всего прогрессивного человечества.

А н д р е С и м о н

«Я ОБВИНЯЮ!»

Правда о тех, кто предал Францию

КАПИТУЛЯЦИЯ

Это произошло 16 июня 1940 года. Я не знал почти до самого вечера, что то было мое последнее воскресенье во Франции. Такие дни не забываются: все, кто пережил роковые часы в Бордо, навсегда сохранят их в памяти.

Я приехал в этот красивый старый портовый город накануне — журналист без газеты. 11 июня старый потрепанный «ситроен» вывез нас четверых из Парижа. Наша маленькая машина ползла со скоростью десяти миль в час в сплошном потоке автомобилей, автобусов, грузовиков, велосипедов и повозок. Мы уже не обращали внимания на бесконечные остановки. Мы не находили слов для ответа, когда встревоженные крестьяне спрашивали нас: «Что же будет?» Мы не знали, где были немцы и где была французская армия, да и существовала ли она еще.

Как и сорок миллионов других французов, мы еще не осмыслили подлинного значения того, что произошло. Мы не знали, будет ли наша газета печататься где-нибудь в провинции. Мы знали лишь одно—что правительство Поля Рейно переехало в Тур, живописный средневековый город на берегу Луары. И мы направились туда же.

Мы добрались до Тура через шестнадцать часов. Улицы новой столицы были полны беженцев. В гостиницах немислимо было получить комнату. В городе невозможно было достать еду. Мы ночевали в машине.

Когда я приехал в Тур, наступление «пятой колонны» в самом правительстве и вне его было в полном разгаре. Один из министров, которого я встретил у здания мэрии, сказал мне, что генерал Максим Вейган, новый главноко-

мандующий, решительно заявил о безнадежности сопротивления натиску германских войск. Его предложение заключить перемирие поддерживают два заместителя премьера — престарелый маршал Анри-Филипп Петэн и изворотливый Камиль Шотан. «Сегодня, — сказал мне министр, — судьба Франции висит на волоске».

Он рассказал мне следующее. Во время заседания кабинета министров генерал Вейган внезапно встал и вышел из комнаты. Через несколько минут он вернулся в страшном волнении, с криком: «Коммунисты завладели Парижем! В городе беспорядки! Морис Торез в Елисейском дворце!» Вейган потребовал, чтобы немцам было немедленно отправлено предложение о перемирии. «Мы не можем отдать страну коммунистам, это наш долг перед Францией!»

По словам моего собеседника, сообщение Вейгана произвело сильное впечатление. Но Жорж Мандель, министр внутренних дел, немедленно подошел к телефону и вызвал парижского префекта. Ему сообщили, что в Париже все спокойно, нет ни беспорядков, ни уличных боев. Маневр Вейгана сорвался.

— Надолго ли? — с унынием спрашивал меня министр.

Да, надолго ли? Из отелей и кафе, битком набитых политическими деятелями, распространились слухи. Я обошел все кафе на главной улице города. В течение одного только часа я услышал, что немцы будут в Туре сегодня вечером; что англичане за спиной французов просили у немцев перемирия; что Уинстон Черчилль покончил с собой; что его примеру последовал Поль Рейно; что Париж в огне; что с часу на час должно вспыхнуть коммунистическое восстание; что оно уже началось. И, наконец, последний, но далеко не маловажный слух, что Гитлер предложил Петэну — «как солдат солдату» — почетные условия мира.

В одном из кафе смуглый Пьер Лаваль, бывший премьер, беседовал с несколькими чиновниками министерства. Он утверждал, что давно предвидел все это. «Я всегда стоял за соглашение с Германией и Италией, — говорил он. — Эта безумная пробританская политика и авансы, которые мы делали Советской России, погубили Францию. Если бы послушались моего совета, Франция теперь была бы счастливой страной, наслаждающейся благами мира».

Его перебил пожилой человек в сером костюме. «Господин Лаваль?»—спросил он и, прежде чем Лаваль успел ответить, дал ему пощечину. Воспользовавшись переполохом, старик скрылся в толпе. Впоследствии я узнал, что его сын, летчик, погиб в бою.

Такова была атмосфера в Туре, когда прибыл Уинстон Черчилль в сопровождении лорда Галифакса и лорда Би-вербрука. Они направились в здание мэрии, где их ожидали французские министры.

Это была драматическая встреча. В любой момент чаша весов могла склониться в пользу капитуляции Франции. Обе стороны знали, что, быть может, в последний раз разговаривают как союзники. Они знали, что кампания во Франции проиграна. Они уже не в силах были остановить ход событий на континенте, они обсуждали лишь вопрос о том, будет ли правительство Рейно продолжать вести войну на территории огромной французской империи с ее семидесятимиллионным населением; может ли быть эвакуирована часть французской армии; и жизненно важный для британцев вопрос — будет ли французский флот продолжать сражаться на стороне Англии.

В эти дни получить точную информацию было особенно трудно. Я слышал различные версии об этих исторических переговорах. Один рассказывал о бурной сцене между Вейганом и Черчиллем. Другой описывал маневры Шотана, имевшие целью склонить французских министров на перемирие с немцами. В конце концов французские и английские министры сошлись на том, что Рейно еще раз обратится за помощью к Соединенным Штатам.

Когда Рейно вышел после заседания кабинета, его обступили журналисты. «Будете ли вы продолжать войну?» — спросили они. «Разумеется», — поспешно, как-то слишком поспешно ответил премьер-министр. Я как сейчас слышу звук его голоса.

Затем произошло нечто странное: внезапно был опубликован текст призыва о помощи, с которым Рейно несколько дней назад обратился к Рузвельту. Рейно писал в этом обращении, что, если потребуется, Франция будет продолжать сражаться в Африке.

— Мы напечатали это обращение,—объяснил нам один из высших чиновников министерства информации, — чтобы усилить давление на Соединенные Штаты.

— А что, если ответ будет неблагоприятный? — спро-

сил один из моих коллег-журналистов. — Ведь это производит угнетающее действие.

Чиновник только пожал плечами.

Все это выглядело подозрительно. Нельзя было установить, кто ответственен за публикацию обращения — премьер Рейно или министр информации Жан Пруво, сторонник перемирия.

Распространялись все новые слухи. Наши английские коллеги говорили, что их посольство весьма мрачно смотрит на создавшееся положение. Рассказывали, что у Черчилля после совещания не осталось сомнения в том, что капитуляция Франции — вопрос ближайших дней.

Мучительная неуверенность и нервное напряжение длились весь следующий день. И вот мы снова в пути. Теперь мы двигались в Бордо, где уже однажды, в 1914 году, французское правительство искало убежища от германских войск. Но в 1914 году им не удалось дойти до Парижа. Сейчас они вступили во французскую столицу.

Когда в Тур пришло известие, что Париж пал, никто из нас не произнес ни слова. Мы сели в машину и двинулись в путь. Призрак побежденного Парижа следовал за нами. Париж, прекрасный, жизнерадостный город мирного времени, Париж, разрушаемый снарядами, печальная, траурная столица дней войны, поруганный символ воли народа, его стремления к свободе, — теперь он был в руках врага.

В Бордо слухов было еще больше. С каждым часом все возрастало влияние группы Петэна — Вейгана.

Мэр города Бордо, Адриен Марке, успевший за время своей политической карьеры превратиться из социалиста в фашиста, теперь провозглашал, что «новая Франция» должна сотрудничать с Германией, дабы покончить с коммунизмом, демократией и, конечно, с евреями. Его друг Пьер Лаваль, вокруг которого толпа политиков стала еще гуще, твердил, как попугай, одно и то же: «Муссолини свой человек, он не даст Германии слишком сурово обойтись с Францией».

Сторонники Петэна усердно трубили по всему городу, что престарелый маршал — единственный человек, который может добиться от немцев почетных условий мира. Он, «герой Вердена», на развалинах поверженной Франции по-

строит новую Францию — по образу и подобию католической Испании Франко.

Приспешники Петэна, Марке и Лаваль, сходились на том, что в поражении Франции виновны Народный фронт, Советская Россия и Англия.

Британский консул рекомендовал английским журналистам готовиться к отъезду.

Опубликовано было еще одно обращение Рейно к Соединенным Штатам. В нем проскальзывали чрезвычайно пессимистические нотки. Премьер просил «самолетов и самолетов» и тут же добавлял: «Существование Франции поставлено на карту. Наша борьба, с каждым днем все более мучительная, теряет всякий смысл, если, продолжая ее, мы не видим перед собой хотя бы проблеска надежды на общую победу».

Предвестие капитуляции? Два-три министра усиленно отрицали это. «Завтра, — заявил один из них, — будет решено, куда переедет правительство, чтобы продолжать вести войну».

Это завтра было то самое воскресенье, о котором я уже говорил. Мое последнее воскресенье во Франции...

Почти никто не спал в ту ночь. Все знали, что ближайшие 24 часа решают все.

Совет министров заседал три раза. Главной темой споров был ответ Рузвельта. На первом заседании сторонники сопротивления ссылались на одну фразу его ответа: «С каждой неделей все больше американского снаряжения будет направляться союзникам». После заседания стало известно, что тринадцать министров все еще стояли за продолжение войны, одиннадцать высказались против.

На дневном заседании совета министров обсуждалось английское предложение создать единое франко-британское правительство с объединенным франко-британским парламентом. К концу заседания большинство кабинета попрежнему высказывалось за продолжение войны. Голоса снова разделились: тринадцать — за и одиннадцать — против. Один из министров сказал мне, что решено перенести совет министров в Перпиньян — город на франко-испанской границе. Оттуда можно было легко перебраться воздушным путем в северо-африканские владения Франции.

Что произошло в течение следующих двух часов, до сих пор остается тайной. Известно лишь, что за это время

состоялось несколько бесед большого значения. Рейно заперся с генералом Вейганом и графиней Элен де Порт, своей подругой. Известно было, что она стоит за капитуляцию.

Министр авиации Лоран-Эйнак, голосовавший за продолжение войны, имел длительный разговор с маршалом Петэнном.

Камиль Шотан обрабатывал министра снабжения, Анри Кэйля. Оба они виделись с президентом Лебреном.

Третье заседание кабинета началось около 10 часов вечера. Длилось оно недолго. Заместитель премьера, Шотан, не теряя времени, потребовал немедленного обращения к немцам с предложением о перемирии. Если условия окажутся неприемлемыми, рассуждал Шотан, французский народ с тем большей энергией будет продолжать войну. Ему возражал Жорж Мандель: как только Франция заговорит о перемирии, ни одного французского солдата нельзя будет снова заставить сражаться.

Шарль Помарэ, министр труда, поддержал Шотана своим резким выступлением против Великобритании. Ему вторил Ибарнегарэ, весьма прозрачно намекнувший на еврейское происхождение Манделя. Нет ничего удивительного, заявил он, что евреи — за войну, любой ценой.

Маршал Петэн и генерал Вейган снова извлекли на свет старое пугало — коммунистическую опасность. Президент Лебрен был на их стороне.

Рейно выступил за принятие английского предложения. Но некоторым министрам показалось, что он говорит без внутренней твердости. Тогда Шотан повторил свое предложение. И вот тут-то произошел перелом. Два министра, Лоран-Эйнак и Кэйль, до сих пор стоявшие за сопротивление, перешли на сторону Шотана. Соотношение сил изменилось. Министр-социалист, входивший в кабинет, тут же поспешно переметнулся на сторону петэновского большинства. Вопрос был поставлен на голосование. Четырнадцать голосов было подано за капитуляцию, десять — против.

Кабинет Рейно перестал существовать. Восемьдесятитрехлетний старец Петэн сделался премьер-министром Франции.

Мы выслушали это решение в полном молчании. Через некоторое время кто-то заметил: «Видно, такова уж судьба старых маршалов — вручать свою родину Гитлеру. Гинденбург — в Германии, Петэн — во Франции...».